

Назад, сквозь закрытые двери

ИСПОВЕДЬ НАРКОМАНА

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Прежде, чем предложить читателям перевод статьи из американского православного журнала «Death to the World», хотелось бы сделать несколько замечаний.

Журнал выпускается молодежным православным движением «The Youth of the Apocalypse Outreach», что можно перевести как «Спасательная бригада апокалиптической молодежи».

Наряду с редакционными материалами журнал печатает письма своих читателей. На одной из страниц журнала красуется рисунок читателя: из ямы, полной мусора (там можно различить шприц, пистолет, сатанинскую символику) пытается выбраться волосатый панк. Православный монах, стоящий на краю ямы, вытягивает бедолагу-панка на свет Божий. В этом рисунке содержится ос-

новная идея движения «апокалиптической молодежи»: выйти навстречу тем, кто увяз в бездне греха, протянуть им руку помощи, перевязать их раны и помочь им впервые встретиться со Христом.

Невольно испытываешь изумление, видя, как Господь прорастивает ростки веры в душах этих людей, отверженных всем миром. Это подлинное чудо: в Америке — стране, которую не назовешь идеальным местом для насаждения православной веры, — успешно ведется проповедь. Она часто принимает весьма непривычные формы.

Вот как выглядит, например, православное ночное кафе. Это — одно из удачных изобретений миссионеров: бесплатный кофе и непринужденная атмосфера привлекают сюда молодежь, которой некуда себя деть. Православные книги здесь доступны всем желающим, а беседы с православными священниками и монахами многим из проходящих сюда открывают глаза на Православие. На рок-концертах бесплатно раздаются приглашения следующего содержания:

«Мистическая тусовка. Хочешь послушать старинные мелодии? А понюхать изысканные греческие ароматы? Хочешь посмотреть на подпольных монахов? Или увидеть настоящего Супермена?» (В углу кафе висит фотография седовласого схимника в полный рост, над которой красуется надпись «The real Superman».)

Нам все это может показаться кошунством, однако, у этой идеи есть важное преимущество: она там работает. Бывшие панки становятся полноценными членами общества, наркоманы забрасывают шприц, никому не нужные, отверженные люди находят свою семью. Думаю, сегодня такая реклама только отпугнула бы русских экстремалов, но, возможно, завтра и нам придется обращаться к ним юридическим языком «массовой культуры» (другого они просто не поймут).

Часто, очень часто, среди несчастных, отчаявшихся в борьбе с собой и миром молодых людей находятся те, кто мечтает умереть, чтобы избавиться от страданий. Но, узнав, что Христос умирает за каждого из нас и дарует нам вечную жизнь, они с радостью решаются умереть вместе с Ним, умереть для мира.

Собственно, эта мысль и послужила названием для журнала, потому что «Death to the World» означает «смерть для мира». Для экстремальной молодежи она особенно близка. Философия протеста против вечно «жрущего» и призывающего земными утешениями буржуазного «рая» находит себе абсолютное выражение... в православном монашестве.

Мне очень импонирует непосредственность, с которой автор статьи «Сквозь закрытые двери» излагает историю своей прежней жизни и обращения ко Христу. Для того, чтобы сохранить самобытность авторской речи, мне пришлось долго подбирать к его жаргонным «перлам» подходящие русские эквиваленты. Быть может, перевод вышел чересчур пестрым, но, надеюсь, он адекватно передает внутренний мир автора.

Денис Коротких, 1 курс МДА

Вот молодые ребята,
Нагруженные дурью.
Вот молодые ребята,
Где же они побывали?

Мы стучались в двери
Самых мрачных чертогов ада,
И они захлопнулись
У нас за спиной...

Ян Кертис

БАНКА ПИВА И СКЕЙТ

В мае 1980 года певец и сочинитель песен Ян Кертис из группы «Joy Division» повесился в своем доме в Манчестере (Англия) за день до своего выезда на первое большое турне по Америке. В тот же день произошло извержение вулкана Святой Елены (штат Вашингтон), а один юноша приготовился к школьному выпуску и к суматохе, в которую эта жизнь должна была скоро превратиться...

На следующий день после выпуска я двинулся в направлении Сан-Хосе (столица Коста-Рики) в поисках «мекки» скейтбординга в Северной Калифорнии. Во время предыдущих путешествий, я уже получил первое знакомство с панк-тусовкой Сан-Франциско. Здесь, в гостинице «Холидей Инн» на бульваре Сан-Карлос, я подстриг свои патлы и стал панком.

Я был молод, чист и наивен. Отказавшись от «напряженного пути», который требовал поступления в колледж и получения работы, я заменил боль отверженности гневом, воспламенявшим юное поколение. Пока мои друзья думали, в какой колледж пойти, я решил «жить быстро и умереть молодым».

Следующие два года я провел в небольшом городке, обмениваясь с окружающими физическими и моральными оскорблениями. Последовало полнейшее отчуждение от общества. Чтобы притупить боль, я навалился на выпивку и наркоту. Теперь никто больше не мог повредить мне...

К осени 1982 года я двинул в Портленд, запасшись 40 банками супа «Кэмпбелл» и 40 долларами. Город оказался для меня откровением: я увидел многих молодых людей, живших каждый как ему вздумается, и впервые почувствовал себя принятым! Если мы и были негативис-

тами — это было лишь отражение окружавшей нас ерунды: рейганомики и гонки вооружений. Мы выбрали лучшее из того, что было у битников 50-х, клешевых хиппарей 60-х и англо-американского панка 70-х, и вернули все это на улицу — ребятишкам. Прыганье с поездов, ныряние в отстойники, кража пива были только романтическими традициями. Втаптывание себя в грязь казалось заманчивым. И у нас не было достаточно долгих перерывов, чтобы задуматься над тем, что нигилизм такого пошиба пагубно влияет на наши тела и души.

В 1982 году я играл «industrial» в одной из местных рок-команд. У нас был дом в районе Юго-Восточного Портленда. Кругом — одни склады. Каждый субботний вечер мы давали подпольные концерты. Лучшие рок-группы из Портленда и Сиэтла приезжали на наши тусовки. Иногда даже навевывались музыканты из Сан-Франциско и Лос-Анджелеса.

Однажды вечером прямо перед домом начался панковский дебош. В это время «Poison Idea» — местная «хардкорная» команда — устанавливала аппаратуру для концерта. Вдруг гараж, в котором я жил, вспыхнул. Это был поджог. Огненный шар поднялся в воздух на 75 футов. Когда огонь перекинулся на дом, мы бросились спасать оборудование группы. Единственное, что мне удалось спасти — банка пива и скейт. В моей жизни это были важные вещи.

В 1983 году я второй раз подряд выиграл северо-западный чемпионат по вертикальному скейтбордингу, достигнув пика, до которого мне больше не суждено было дотянуться. Я катался на скейте, как правило, «под мухой», потому что не мог хорошо кататься трезвым. Меня пригласили в команду скейтбордистов Джека из Сан-Франциско, и я жил там до конца лета. Это был «зеленый» период в жизни тусовки Сан-Франциско, она только образовалась. Панковский рок-журнал «Maximum Rock'n'Roll» только открывался, а журнал скейтбордистов «Thrasher» только начинал расти. Мы были круты — эдакая странствующая банда пиратов. То были мои самые счастливые деньки...

НАЧАЛО КОНЦА

Я вернулся на запад и отправился зависать в Сиэтл. Движение «Глэм» окрепло, темп музыки снижался, и Курт Кобейн уже оформил контуры движения «Грандж». Именно здесь я получил первый опыт жизни в качестве наркомана.

Однажды вечером в квартиру, где я жил, приперся мой друг. Он обчистил местную аптеку и приволок ко мне три здоровенных пакета седативов, барбитуратов и наркотиков. Через несколько секунд, едва ли задумавшись о том, что происходит, я позволил ему воткнуть иглу в мою руку. Теплота разлилась по всему телу, и на мгновение мне показалось, что я на небе. Потом я отключился...

Наутро, когда я очухался, мой друг сказал, что он облажался, и у меня «передоза». Чтобы я не впал в слишком глубокий сон и не умер он дал мне таблеток и потащил меня на автобусную остановку.

Следующая неделя была сплошным мутным пятном — почти короткое замыкание. Все кончилось тем, что я, разбив витрину с целью умыкнуть банку пива, вырубился прямо перед магазином.

Я очнулся в тюремной камере с носом, влажным от соплей. Это была «ломка», с которой мне предстояло познакомиться поближе. Теперь я мог думать только об одном: когда я смогу достать еще наркоты.

В начале 1984 года западное побережье было завалено дешевой кислотой «Беркли» и высокопробным мексиканским героином «Чива». Ежедневное употребление «кислоты» в течение трех месяцев завершило мой период исследования наркотиков. Я стал сползать под откос, кончив ежедневной заправкой героином «Чива». Портлендский полицейский департамент как раз прошел полную реорганизацию из-за коррупции полицейских, и он совершенно не контролировал того, что творилось в городских трущобах. Стало уже привычным делом наблюдать, как «пиплы» с «Коуч-стрит» колуются прямо на тротуаре или на крыше припаркованной машины...

Сотни торговцев наркотиками выстраивались на протяжении трех кварталов, продавая свою отраву портлендской молодежи. Тем летом многие ребята повзрослели слишком быстро. Некоторые не увидели следующего года.

МОЙ ПЕРВЫЙ «БОГ»

В марте 1985, отягощенный привычкой к наркотикам, на которые уходило 100 долларов в день, я впервые обратился за помощью.

Это был центр помощи «старой школы». Его содержала экс-проститутка и наркоманка из Нью-Йорка. Находился он на побережье Оригона. Моим консультантом стал здоровый итальянский детина, которого выгнали из «Hell's Angels» за излишний радикализм. Он ждал смертного приговора за многочисленные убийства, когда вдруг обнаружилось, что у него аневризма, сводившая его с ума. За десять лет примерного поведения и трезвости он был прощен и освобожден. Теперь он помогал другим в этом центре помощи наркоманам. Тут состоялось мое первое знакомство с «благодатью». Я не смог поверить в

«божественный предмет», на котором основана программа «двенадцать ступеней», поэтому он дал мне булыжник со своего стола, сказав мне, что это был его первый «бог». Я должен был носить его с собой и использовать как свою «высшую силу», то есть поклоняться ему как богу.

Покинув центр, я переехал на побережье и взялся за столярное дело и серфинг. Тем не менее, отсутствие «личного» Бога вело к подавляющей пустоте, и уже к концу лета я оказался вновь на игле. В конце следующего года я опять достиг потребления наркотиков на 100 долларов в день, однако же умудрился получить ссуду на открытие магазина инвентаря для скейтбординга в Портленде. Когда-то это была моя мечта, но я сам быстро разрушил ее, часто залезая в кассу магазина. Я предоставил заниматься бизнесом своему партнеру и снова обратился за помощью. Магазин скейтборда имел громадный успех (я тут не причем) и стал главной «стрелкой» в северо-западном Портленде.

Несмотря на то, что я умудрялся не колоться уже восемь месяцев, все же я активно противился этой самой «высшей силе». Я жил в реабилитационном центре между двумя городами и продирился через ежедневные анализы мочи и консультации. Когда я, наконец, скатился обратно, все произошло очень быстро. Игла торчала в моей руке до того, как я понял, что происходит.

ГЕРОИН — МОЯ ЖИЗНЬ

Жизнь моя была клевой, но ее невозможно было отделить от наркоты. Я колотся несколько месяцев, и к этому времени моя «выносливость» стала огромна. Я мог использовать наркотиков на несколько сотен долларов в день и при этом ходить «по струнке», так что никто ничего не замечал. В конце концов, когда здоровье стало отказывать, мой бизнес-партнер меня оставил. Он сказал, что любит меня, но не хочет смотреть, как я себя убиваю. Он был моим лучшим другом, и его уход был сильным потрясением.

Ребята, работавшие в магазине, уважали меня, но понимали, что я всегда буду колоться, и что героин — это моя жизнь...

Через три месяца я стащил 30 000 долларов со счета магазина, и он, в конце концов, обанкротился. Я продал его, покрыв долги, и остался без гроша в кармане. Без денег и на игле я оказался в тяжелой ситуации.

Я начал заправляться кристаллическим метадоном, чтобы побороть привычку к наркотикам, и кончил тем, что заразился стафилококком. Я был похож на прокаженного: весь в язвах и струпьях. Я прятался в доме друга и пытался «завязать». Только «подсевший» на героине знает страшную боль, через которую приходится проходить. Судороги, тошнота и рвота — кошмар, который называется «ломка». В таком состоянии, я смог заснуть лишь на одиннадцатую ночь.

РЫВОК К ФИНИШУ

Три недели спустя я вернулся в мир, и, увидев, что большинство моих друзей отказалось от меня, решил отправиться в маленький город, где я родился.

Моя семья всегда старалась мне помочь, принимая мою наркотическую зависимость как данность. Я прожил в их доме шесть месяцев, пытаюсь просто «лечь на дно». Тем не менее, в этом затертом городишке, в центре восточно-вашигтонской «пустыни», я повстречал несколько фермеров-иммигрантов с мексиканской «чивой» — лучшей из всего, что я до этого пробовал.

В течение нескольких дней я «сорвался» так, что даже украл кредитные карточки матери, чтобы достать больше героина. Я решил вернуться в город и «рвануть к финишу». В Портленде я снова скорешился со старым другом-наркодилером и с одним бывшим «скинхэдом»¹, с которым вместе был на излечении.

Этот «скин» поклонялся дьяволу как богу и был самым шизовым психом из всех, кого я знал. Я продавал на улице наркоту, принадлежавшую торговцу, таская пакетики с героином во рту. Если бы «копы» попытались меня «захомутать», я бы проглотил их, чтобы вернуть наркоту, когда пойду в туалет. Однажды трое «мучачос» подошли из-за угла и приставили к моей шее большой мексиканский нож. Они пригрозили убить меня, если я не выплуну товар. Я не был вполне готов умереть и повиновался. Торговец был так расстроен потерей товара на сотни долларов, что оставил меня без допинга.

Мой дружок-скин «бомбил» квартиры и имел неплохие связи со скупщиками краденых побрякушек. В следующие четыре месяца мы с ним перетряхнули 20–30 домов, переплавляя золото и серебро, чтобы получить вожделенную «наличку». Чувство вины было тяжелым, но оно приглушалось нашими болезненными привычками. Одно время мы заправлялись на 500 долларов в день — лошадь можно убить! Я нарочно вводил все больше и больше, надеясь, что смогу, наконец, избавиться от страданий.

В конце концов, полиция застукала меня с поличным — они гонялись за нами уже несколько месяцев. Пока я ждал суда, меня посадили на метадоновую поддержку и освободили под залог. Я позвонил матери из телефона-автомата, сказав ей, что мне «светит» отправиться в окружную тюрьму, а, может, и в колонию года на два.

Один друг нашей семьи как раз заехал в гости (впервые за последние пять лет). Он утешил мать и рассказал ей о церковной общине на Аляске, которая могла бы мне помочь. Я не хотел ехать, но у меня не было выбора. Судья решил, что жизнь в общине можно квалифицировать как лечение и отпустил меня до суда.

Прикидывая, что нескоро теперь смогу «ширнуться», я начал колоться героином вдобавок к метадону. Это мощная и опасная смесь. Мой дружок-скинхед тоже сидел на метадоне, пытаюсь «завязать» с героином. Когда он узнал, что я опять стал колоться, он заехал мне «по фэйсу», разорвав губу до самого носа. Он сказал, что ему очень жаль, но я не оставил ему никакой надежды.

Он отвез меня в больницу и вернулся немного позже с большой дозой героина, которую мы и вкололи здесь же, в больничной палате.

После того, как мне зашили губу, я покинул больницу и стал паковать вещи. Подозревая, что я могу катапультироваться по дороге, мой отец приехал в Портленд, чтобы лететь со мной на Аляску. Я попросил 20 долларов. Он дал их мне сознательно, не спрашивая, зачем... Расправившись с последним пакетиком героина, я был странно спокоен. Слава Богу, у меня не было больше денег, а то бы я точно окочурился от «передозы». Я покинул Портленд после того, как сжег все мосты...

«БОЛЬШОЙ ДОМ»

Вечерним рейсом мы прибыли в Анкоридж. Я все еще был «под балдой». Отрубился я в машине, по дороге в православную общину. Мне дали комнату в «Большом доме». Раньше в нем был католический женский монастырь, а теперь он стал центром православной общины.

На следующий день два священника пришли к нам с отцом и предложили позавтракать вместе. Молодой священник был очень приветлив. Он совсем не испытывал отвращения к человеческой развалине, сидевшей перед ним. Старший священник был главой общины — очень необычный человек. Во время разговора за завтраком меня стало мутить. В последний раз я проходил через этот кошмар...

Настоятель задал мне много вопросов: «Почему ты здесь? Хотел ли ехать сюда? Верил ли когда-нибудь в Бога?» В основном участвовал в разговоре мой отец, потому что я был не в состоянии отвечать. В то утро я пошел к себе, думая, что мне действительно понравился тот человек. Он, и правда, не лаптем щи хлебал: всякое слово — в точку. Из всех знакомых мне христиан этот был первым, кто действительно казался живым.

После этого я шесть или семь дней не показывался из своей комнаты, исследуя адские глубины. Один, в незнакомом месте, я не мог утешиться даже звуками уличного шума. Тишина оглушала! Молодая леди спустилась ко мне и дала мне небольшой крест, чтоб помочь преодолеть «это». В конце концов, я уснул...

Когда я проснулся, жар, судороги и лихорадка прошли. Был солнечный осенний день... И я был жив! Я не был уверен, все ли припадки уже позади, или еще остался один, и мысль о самоубийстве мелькнула в моей голове.

ПЕРВАЯ МОЛИТВА

Люди, жившие в «Большом доме», заботились обо мне, кормили меня и составляли мне компанию. Я был поражен, насколько отзывчивы они были, а, между тем, они не пытались говорить со мной о Боге или обращаться ко мне. Было решено, что три месяца, которые я пробуду здесь, я буду работать с владельцем этой земли, так как он был еще и начальником «Большого дома». Это был отзывчивый человек и работал усерднее всех, кого я знал когда-либо. В конце первого рабочего дня я устал, и в моей голове зашевелились планы. Я звякнул своему дилеру

¹ Бритоголовый — Прим. Ред.

в Портленд, и он согласился переслать мне авиапочтой немного наркоты. Это должно было занять два дня...

Следующим вечером все обитатели дома ушли на хоккей. Я был один в гостиной «Большого дома» и разглядывал красоты Аляски. Я был спокоен и безмятежен, и все же «ломка» не оставляла меня в покое. Я поискал выпивки, но ничего не нашел. Все в доме — иконы Христа и Его святых взирали на меня. Я чувствовал себя так, как будто за мной следят...

Вдруг тяжелая волна страха нахлынула на меня. Как будто страх, не пережитый мной за десять лет, вернулся ко мне весь сразу. Я почувствовал себя маленьким, уязвимым и совершенно парализованным. Никого не было рядом, а время шло к полуночи. Я позвонил матери и поднял ее с кровати. Я плакал и говорил ей, что хочу умереть. Она стала меня утешать, уговаривая встать на колени и помолиться вместе с ней. Я бросил трубку, выбежал из дома и пошел в церковь. Я встал на колени и обратился к Богу со словами: «Если Ты здесь, избавь меня от боли и страха». Страх исчез так же внезапно, как и появился. Ощущение мира наполнило меня, и я лежал на церковном полу долгое время.

Потом я вышел из церкви. Я стоял на веранде и смотрел на красоту Дома Христова. С тех пор, как я был сокрушен и повержен, это был единственный момент, когда Бог мог прийти ко мне, и я послушался бы Его. Я начал рыдать, и впервые в жизни поблагодарил Бога за то, что Он так любит меня...

ОГРОМНАЯ ПТИЦА

За несколько месяцев до этого моя мать видела сон, в котором птица с крыльями размахом в сотню футов пролетела над ней и моей сестрой. Они были на поле. Сначала птица угрожала им, а потом склонилась над ними, защищая их своими крыльями. Потом эта птица сказала матери, что со мной все будет хорошо.

Несколько месяцев спустя против меня были выдвинуты дополнительные обвинения в квартирных кражах, и я вернулся в Портленд, чтобы отправиться в окружную тюрьму. Я и раньше бывал на суде неоднократно, но теперь я был христианином, а не бедолагой-наркоманом.

Страх постоянно подстерегал меня, но и Бог был всегда рядом. Меня искушали наркотиками, но я не поддавался. Мои сокамерники высмеивали меня, вырывая страницы из Библии и делая из них «самокрутки». Поддержка извне была потрясающей: ежедневные письма и посещения православных священников. И внутри я все время чувствовал присутствие Спасителя. Новые обвинения означали два пятилетних срока в исправительной колонии.

Войдя в «судейскую», я увидел священников в черных рясах. Их просьба отпустить меня в Церковь на Аляске увенчалась успехом. Мне дали пять лет исправительного срока (условно) и 28 000 реституции (возмещение убытков). Если бы я вновь сорвался, то получил бы все десять лет сполна. Я возблагодарил Бога за Его великие и богатые милости.

СПАСИТЕЛЬНОЕ ПОГРУЖЕНИЕ

Перед Пасхой 1989 года, в канун Великой Субботы, я был принят в Православную Церковь. В таинстве Крещения я был очищен от всех грехов моей прежней жизни. Радость, которую я всегда старался убить, теперь стала совершенной...

За годы, прошедшие с тех пор, я ни разу не прикоснулся к наркотикам.

Это стало возможным не благодаря программе «двенадцать ступеней» и ухищрениям современной психологии, но благодаря погружению (насколько я был способен) в древнюю, неотмирную жизнь Православной Церкви.

«Рай воздвиг меня, когда я осознал его, он обогатил меня, когда я размышлял о нем. Я забыл свои жалкие именины, потому что он напоил меня своим благоуханием. Я как будто перестал быть самим собой, потому что он обогатил меня своей бесконечно разнообразной природой» (преподобный Ефрем Сирин). Только благодатью Господа нашего Иисуса Христа и Его неиссякаемой любовью ко всему роду человеческому я жив и по сей день.

Благодарю святых, чье заступничество ежедневно спасает наши жизни. Я был доставлен на Аляску 26 сентября — в день, когда Церковь вспоминает святого евангелиста Иоанна. В его честь освящена церковь, в которой я обратился к Богу. В православной традиции символом святого Иоанна является орел. Думаю, это и была та огромная птица, которая утешала мою мать. Шестое декабря — день памяти святого апостола Фомы — апостола, который не сразу уверовал в Воскресение Христа. Это день моего обращения, и зовут меня тоже Томас. Я чувствую особенную привязанность к этим святым, молитвы которых угодны Богу: к святому Иоанну, который имеет великую любовь к детям, и к святому Фоме, который сомневался, как и многие из нас. Эти древние святые — часть той преемственности «бунтарей», которая продолжается до сего дня. Это — настоящие «радикалы», жизни которых мы можем подражать, заполняя тот вакуум, который пожирает нас сегодня.

Мы можем последовать пути «иглы и ложки» и кончить как Джон Сандерс, умерший от передозировки на полу отеля в Новом Орлеане. Мы можем пойти тропой отчаяния, приведшей Курта Кобейна, который не смог справиться со славой и счастьем этого мира, к трагическому концу в Сиэтле. Или мы можем последовать путем Креста, освященным кровью мучеников и трудами подвижников...

Святые апостолы Иоанн и Фома, молитесь Бога о нас!

Томас¹

¹ «Through closed doors» // THE ORTHODOX WORD. Vol. 31, No. 4 (183), July-August, 1995, p. 190–199.